

Р. Штихве

К ГЕНЕЗИСУ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА — ИННОВАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ

I

Тезис о мировом обществе гласит, что в настоящее время существует лишь одна единственная общественная система. Уже в такой простой формулировке скрыт ряд нерешенных проблем и спорных позиций. В первую очередь она показывает, что понятие общества не применимо в ряде случаев. Германия, США, Норвегия или Пакистан не являются обществами, Европа тоже не является обществом и только всеобщая система соответствует условиям, предъявляемым к понятию «общество». Возникают существенные терминологические трудности. Я не знаю ни одного социолога, который, с одной стороны, исходил бы из посылки о мировом обществе и, с другой, избегал бы невольной ошибки, говоря о французском, испанском или индийском обществе. Наконец, я еще никогда не слышал словосочетания «люксембургское общество». Становится явной проблематичность понятия общества, мыслимого на основе территориально-государственного принципа, поскольку в него молчаливо включается неоправдаемое ожидание определенного большого порядка.

Второй вопрос касается дальнейшей судьбы самого слова «общество». Фридрих Тенбрук (Friedrich Tenbruck) и за ним некоторые другие ученые выдвинули аргументы против бесконечности понятия общества, так как они, очевидно, предпочли семантику с более ярким институциональным оттенком*. На мой взгляд, отказ от слова «общество» повлек бы за собой невозможность обозначения центральных феноменов социального мира и в этом смысле привел бы к вынужденному семантическому консерватизму. Напротив, следует предпочесть решение Лумана определять общество через коммуникацию и коммуникативную досягаемость. Оно необычайно просто и приводит к выводу о том, что для использования понятия общества в расчет принимается только мировое общество в качестве единственной оперативно закрытой системы на базе операции коммуникации [2]. Указание на бедность, неравенство и неравное распределение в современном мире не является возражением против этого тезиса, так как очевидно, что при этом речь идет о внутренней дифференциации системы мирового общества, и вопрос состоит именно в том, как мировое общество производит и воспроизводит это неравенство. Здесь необходимо также указать на то,

* Ср. в этой связи [1].

Штихве Рудольф (Prof. Dr. Rudolf Stichweh) (р. 1951) — доктор социологии, профессор общей социологии и социологической теории факультета социологии Билефельдского университета (Германия).

Адрес: Universitat Bielefeld, Fakultat fur Soziologie, PF 100 131, D-33501 Bielefeld.
E-mail: rudolf.stichweh@post.uni-bielefeld.de

что Иммануил Уоллерстайн (Immanuel Wallerstein), наряду с Луманом, вероятно, один из влиятельнейших теоретиков мирового общества, ставит явления производства и воспроизводства неравенства в центр своей концепции [3].

Если принять во внимание обе только что введенные посылки — отклонение от понятия общества, определенного по территориально-государственному принципу, и коммуникативно-теоретическое обоснование теории общества — то напрашивается третий вопрос. Когда, собственно, начинается история мирового общества? В имеющейся литературе можно найти различные ответы на этот вопрос. В самом распространенном, пожалуй, ответе утверждается, что речь идет о системе, понимаемой исключительно в ходе ее исторического возникновения. Подходящим для этого понятием является понятие «глобализация», подчеркивающее процессуальный характер и ситуативность диагноза. Уоллерстайн связывает начало истории с XVI в., так как в это время постоянно наблюдаемая торговля между большими мировыми регионами была дополнена элементами всемирного разделения труда. В марксистской литературе, ориентированной на Уоллерстайна, возникновение мирового общества относят к более раннему периоду, ибо достаточными для существования мировой системы считаются случайный контакт и случайное каузальное воздействие между культурными и экономическими пространствами. Эта дискуссия возобновлена недавно вышедшей книгой «The World System: 500 Years or 5000?» [4]. В чем заключается ответ системной теории? Прежде всего в нем констатируется, что на протяжении тысячелетия истории человечества одновременно существовало множество общественных систем. Так как эти общества являлись, в основном, племенными, следует исходить из существования многих тысяч общественных систем. Но и в XVII столетии бессмысленно рассматривать Европу и Китай как части одного и того же общества. Хотя и существовала случайная коммуникация, которая продуцировалась в одной из систем и понималась или искажалась в других, она не имела существенных последствий и ничего не менялось в том, что эти общественные системы оставались почти всегда оперативно закрытыми по отношению друг к другу, т.е. изолированными, но активными внутри себя системами. В то же время на примере Китая можно было бы, видимо, продемонстрировать то, что в XVII в. сложилась ситуация, в которой уже наблюдались признаки предстоящего близкого перелома. Возможно, для Ордена иезуитов регионы Китая и регионы Европы были областями на глобальной земной карте, которая не предусматривала никаких различий разных общественных систем, так что было возможно характерное для этого Ордена гибкое глобальное использование персонала. In pace здесь можно уже предугадать то значение, которое позже приобретут организации для установления мирового общества.

Прежде чем я попытаюсь более точно ответить на вопрос о начале мирового общества, я хочу подчеркнуть другой, существенный с точки зрения социологической системной теории, момент. Пока в мире существует несколько или даже множество общественных систем, со структурной точки зрения о мировом обществе не может быть и речи. С другой стороны, все эти общества конституируют для себя заверченный мир. Они включают в свою интерпретацию мира все, что есть кроме них в этом мире, т.е. и другие общественные системы, по мере знания о последних. Следует отметить, что в данных обществах часто

отрицалась способность членов других общественных систем к коммуникации, рассматривая их в качестве *варваров* или изобретали для них имена, предполагавшие отсутствие у них человеческого начала [5; 6]. Почти все общества, воплощающие, с феноменологической точки зрения, проект мира, кажется, являются мировыми обществами, не предусматривающими наряду с собой существование других обществ. Безусловно, очень интересен эмпирический вопрос, на который я в данный момент не могу дать удовлетворительный ответ: как часто в истории человечества существовали общества, которые были в состоянии предполагать наряду с собой существование других общественных систем и описывать последние относительно симметрично по отношению к себе?

Следовательно, вплоть до раннего периода так называемого «Нового времени» мы наблюдаем ситуацию, в которой структурно представлены многие общества, каждое из которых с феноменологической позиции осуществляло собственный проект мира, квалифицирующий их как мировые общества [7]. Уникальность мирового общества модерна состоит в том, что структурная реальность и феноменологический проект мира совпадают, что общество, которое в своем проекте мира все попадающее включает в себя как ближние и дальние значения, является фактически единственным обществом, существующим на Земле.

Когда начинается история этого мирового общества? Есть ли вообще разумный ответ на этот вопрос? Ответ Уоллерстайна был положительным: мировая система возникает в тот момент, который он помещает в XVI в., когда торговля основывается не на случайных дифференциациях, а вызывает разделение труда, т.е. порождает структурные изменения в участвующих обществах [8]. Я не считаю этот ответ неверным, но не вижу причины ограничиваться экономической редукцией. Общий ответ должен был бы, по моему мнению, звучать так: мировое общество возникает в тот момент, когда одна из общественных систем перестает воспринимать, что наряду с ней существуют еще и другие общественные системы, и она к тому же обладает инструментами и ресурсами, позволяющими трансформировать это непризнание в структурную реальность. В истории этому есть только один пример — начавшийся в XV–XVI вв. процесс экспансии европейско-атлантического общества, которое при помощи колонизации и других способов вторжения инкорпорировало весь остальной мир в собственную общественную систему. После этого не существовало ни экономической системы, ни системы воспитания, ни религии, ни знания, которые могли бы долгое время продержаться за пределами этой мировой системы.

Теория мирового общества — это теория системы, возникающей начиная с XV–XVI вв. Некоторые существенные компоненты этой системы были уже упомянуты *en passant*. Я хочу сделать акцент на трех компонентах, которые являются особыми структуробразующими инновациями в мировом обществе. Но этот список инноваций является открытым и будет в дальнейшем расширен.

1. Функциональная дифференциация. Я думаю, что с Уоллерстайном следует согласиться в том, что современная мировая система возникает в тот момент, когда из торговли, т.е. случайного контакта разделенных систем, возникает разделение труда, а именно, структурная дифференциация *одной* системы. Этот аргумент носит все же более общий характер. Мировому обществу, по-видимому, свойственно то, что оно развивается в той мере, в какой коммуника-

ция между до того разделенными обществами становится фактором, ускоряющим дифференциацию функциональных систем, которые следует описывать только как глобальные системы. Это можно рассмотреть на примере дифференциации системы науки под давлением необходимости обработки глобально возрастающего объема знаний с XVI по XVIII вв. [9, гл. 1], или в XIX и XX вв. на примере дифференциации современного искусства под давлением становящегося очевидным многообразия артефактов из разных культурных пространств. Тезис об ускорении дифференциации можно прояснить дальше на различных функциональных системах. В любом случае важно, что функциональная дифференциация является первичной дифференциацией мирового общества, которая в каждом отдельном случае — политика, право, экономика, религия, наука — порождает функциональную систему, реализующую одновременно специфическую и глобальную коммуникативную взаимосвязь.

2. Организации. На примере иезуитов в Китае было уже показано в несколько анекдотической форме то значение, которым могут обладать организации при реализации идеи мирового общества. Уже корпорации раннего периода «Нового времени» в Европе — университеты, духовные ордена, города и корпорации чужеземцев, такие как торговые компании или студенческие сообщества, — являлись своего рода чужеродными телами в их сословном окружении, вносящими в общественную среду тематическую специализацию в качестве инновативного импульса [10]. Это повторяется в XIX и XX столетиях в отношении свободных ассоциаций, объединений и организаций [11]. Во всех случаях речь идет о членских союзах, которые благодаря внутриорганизационной мобильности персонала, способности к организации филиалов и отделений в разных местах и облегченному коммуникационному потоку в самой организации могли производить значительные глобальные эффекты. По поводу последних в дальнейшем возникал вопрос о том, останутся ли они в пределах организации или же проникнут в общественную окружающую среду. Поэтому теория мирового общества должна быть также теорией, тесно связанной с ним карьеры формальной организации.

При этом для осуществления мирового общества — и среди прочего также для сетевой связи третьего мира с мировым обществом — важны, прежде всего, два типа организаций. К первому относятся мультинациональные предприятия в экономике, которые, будучи гораздо сильнее потоков внешней торговли и трансфертов капитала, собственно, и являются мотором глобализации экономической системы наряду со структурной трансформацией финансовых рынков. Это указывает, впрочем, на то, что глобализация экономики в значительной мере является процессом, связанным со знанием, поскольку динамика экспансии мультинационального предпринимательства зависит, прежде всего, от внутриорганизационного трансферта технологии и знаний. Можно даже сказать, что способность к интернализации, т.е. усвоению трансфертов знания и есть подлинная причина (*raison d'etre*) мультинационального предпринимательства [12].

Другой бросающийся в глаза тип организации, являющийся новым для XX в., — так называемые неправительственные организации (НПО). Этот тип организации является тоже достаточно примечательным изобретением, а именно объединением по интересам, освобождающимся от ограничения своей деятельности

рамками государственных границ. Спектр тем может быть крайне разнообразным и простирается от медицинских союзов, опекающих пленных и заключенных в кризисных регионах мира, до научного исследования антропогенных изменений климата. Особенно заметна способность влияния и проникновения этих обоих типов глобально оперирующих организаций в регионах со слабыми государствами, к которым относится большая часть стран третьего мира. Всем известен быстрый рост количества МНП. Но то же самое имеет силу и для НПО. Уже в 1992 г. одним автором было насчитано 23000 международных неправительственных организаций [13, p. 419].

3. Коммуникативные техники. Третья центральная компонента мирового общества — коммуникативные техники. Это становится очевидным, если определять общество через коммуникацию. И наоборот, можно предъявить претензию доводу о большом значении коммуникативных техник в развитии современного общества как эмпирической основы понятия общества, определенного через коммуникацию. Изобретение книгопечатания в Европе происходит одновременно с началом экспансии европейско-атлантической общественной системы. В качестве показателя медленного становления мирового общества можно назвать тот факт, что на протяжении четырех столетий после изобретения книгопечатания не наблюдалось ни одной коммуникационно-технической инновации, сравнимой с ним по своей релевантности. Ускорение коммуникации, проницаемость пространства за счет производства коммуникативных сетей в течение этих четырех столетий полностью зависело от развития транспортных техник, которое также было очень медленным. Коммуникации транспортировались при помощи тех же технических способов, какими люди пользовались для передвижения, значимые инновации в этих техниках приходятся только на XIX и XX столетия. Изобретение телеграфа в XIX в. и быстрый рост новых телекоммуникативных техник XX в., начиная с телефона и заканчивая компьютерной коммуникацией, обозначают с этой точки зрения радикальный перелом. Смысл этого процесса состоит, как было подчеркнуто Германом Люббе (Hermann Luebbe), в отторжении телекоммуникации от транспортных техник [14]. Распространение коммуникации больше не зависит от использования путей, созданных для транспортировки людей и товаров. Это ведет к разрушению пространства, о котором говорят такие историки, как Джон Эльбион [15], и такие социологи, как Энтони Гидденс [16]. Большие пространственные расстояния более не означают сами по себе принудительной несинхронности, а, напротив, становятся совместимыми с глобальной одновременностью событий.

II

В предыдущей главе я назвал три институциональных изобретения или инновации, которые играют важную роль в возникновении мирового общества: функциональные системы, организации, телекоммуникация. Кто захочет написать историю или теорию мирового общества, тот должен будет написать историю или теорию этих трех изобретений. Но это еще не все. Я считаю, что для понимания динамики возникновения мирового общества нам требуются дополнительные гипотезы. Эти дополнительные предположения касаются того, что можно было бы обозначить как механизмы и процессы. Я хочу обратить внимание на три таких механизма.

Первый из этих механизмов я называю *глобальной диффузией* или *глобальной диффузией институциональных образцов*. Условием глобальной диффузии является частота и интенсивность отношений наблюдения в системе современного общества. Для какого уровня мы бы не аргументировали — для уровня индивидов, организаций или социальных систем — в любом случае соответствующие значимые единицы наблюдают друг друга с возрастающей частотой и интенсивностью, опираясь в этом на возможности расширения коммуникации. Наблюдения происходят на уровне категориальной принадлежности и категориального самопричисления: государства наблюдают государства, центральные банки — другие центральные банки, фундаменталистские секты — другие фундаменталистские секты и, наконец, индивиды — других человеческих существ, обладающих такой же претензией на индивидуальность. Если социологическая теория сетей (Netzwerktheorie), формулируя *антикатегорический императив*, имеет в виду, что категориальная принадлежность как социальная переменная не способна ничего объяснить [17; 18], то эта теория упускает из вида уровень самонаблюдения, на котором может состояться идентификация с социальной категорией и затем возможное управление процессами сравнения [19]. Этот механизм делает возможной быструю диффузию нововведений в системе мирового общества. Государства заимствуют у других государств программы социальной защиты, структуры школьной системы и многие другие институциональные особенности, и, может быть, только лишь по той причине, что они хотят считаться полноценными государствами. Индивиды копируют образцы индивидуальности. В этом, однако, можно было бы увидеть противоречие. Как, в конце концов, индивидуальность должна быть обеспечена именно копией? Если структура ожиданий предусматривает для индивидов уникальность и если индивиды не могут обнаружить ее в самонаблюдении, остается только указание на социальный запас образцов индивидуальности.

Механизм глобальной диффузии институциональных образцов, теоретически разработанный, прежде всего, в американском неинституционализме [20], объясняет процессы гомогенизации в системе мирового общества. Он не предсказывает обязательное всеобщее уподобление одному единственному институциональному стандарту, поскольку одновременно с процессами заимствования возникает потребность с разных позиций все же отличаться от других. Но и для потребности индивидуализации во всеобъемлющем копировании образцов опять-таки существует лишь ограниченный запас глобальных образцов. В этом отношении теория мирового общества не прогнозирует всеобщую стандартизацию, но обращает внимание на ограничения, которые включены в репертуар, имеющийся в принципе в распоряжении мирового репертуара.

Радиус действия тезиса о сравнительной глобальной гомогенизации ограничивается областью применения соответствующей теоретической модели — глобальной диффузии институциональных образцов. Это ограничение часто не осознается, что, в свою очередь, ведет к неверным представлениям о принудительной логике мирового общества. Второй вопрос состоит в том, какой объем интеракции и взаимного наблюдения необходим для собственно функционирования этого механизма. Ответ звучит так: сравнительно малый. Как только повсеместно будут заложены определенные культурные предпосылки, например положительная оценка современности, тогда определенные модели смогут про-

никак друг в друга без особых трудностей, если при этом будут считать, что они прототипичны для современности. Этим дан шанс для распространения глобальных мифов, которые осуществляются без объемной реальной интеракции, но все же глобально закрепляются на уровне действующих ожиданий несмотря на то, что их никто не может применить на практике.

Далее я хотел бы рассмотреть второй механизм, который кажется мне необходимым для описания и объяснения динамики мирового общества. Я называю его *глобальным переплетением* (*globale Interrelation*) или *глобальным производством сетей* (*globale Vernetzung*). Его теоретический фундамент гораздо шире, чем в случае модели глобальной диффузии. В то время как последняя имеет свои корни, прежде всего, в неинституционализме, то, говоря о модели глобального переплетения, можно сослаться на теории сетей, системную теорию или также на теорию глобализации Энтони Гидденса. В случае глобальной диффузии речь идет об отношениях наблюдения и сравнения между единицами, которые могут быть значительно дистанцированы друг от друга. Непосредственный контакт между ними не является обязательным. Прибегая к помощи физической метафоры, можно сказать, что здесь мы в какой-то мере имеем дело с *теорией удаленного действия* (*Fernwirkungstheorie*).

Совсем иначе дело обстоит в случае глобального переплетения или глобального производства сетей [21; 22]. В фокусе данной теории находится отдельный коммуникативный акт в процессе включения его в другие коммуникативные акты или — говоря на языке теории сетей — включение сетевой связи (*Netzwerk-tie*) в другие сетевые связи (*Netzwerk-ties*). Соединение глобального и локального происходит локально, в отдельном коммуникативном событии или отдельной в определенной мере стабильной связи между двумя сетевыми узлами. Глобальность достигается при помощи связывания коммуникативных событий в сеть или связывания «*ties*». Пользуясь выше упомянутой метафорой, можно сказать, что здесь идет речь о *теории ближнего действия* (*Nahwirkungstheorie*), которая постулирует локальное распространение влияний, имеющих глобальный эффект.

Я хотел бы более подробно рассмотреть данную теорию ближнего действия при помощи двух гипотез. Обе гипотезы я отношу к системной теории и теории сетей, которые являются сходными с интересующей нас здесь точки зрения. Первую гипотезу я называю гипотезой «*и так далее*». В ней утверждается, что для теории мирового общества не является решающим тот факт, что отдельная интеракция преодолевает огромные пространственные и временные дистанции. Речь, таким образом, идет не о возросшей частоте межконтинентальных телефонных разговоров и о дальних путешествиях, хотя их колоссальный рост легко подтвердить [23]. Решающим же звеном моих доводов является то, что в каждой отдельной интеракции представлено «и так далее» последующих контактов участников. Именно это открывает возможность для всемирных переплетений, возможность, которая как сознание селективности снова становится релевантной в отдельной интеракции и вторгается, таким образом, в управление ею. В теории сетей известна сходная гипотеза, которая называется гипотезой «малый мир» (*small world*) [24]. Имеется в виду знакомая всем ситуация, когда встречаются совершенно чужого человека и вскоре выясняется, что этот человек — друг нашего друга или знакомый нашего знакомого. К поразитель-

ным наблюдениям подобного типа можно подключить исследовательские техники, занимающиеся изучением тройной цепочки знакомых знакомых знакомых. В результате таких исследований уже через несколько его шагов обнаруживается, что очень большое число людей — возможно миллионы людей — оказываются связанными друг с другом посредством косвенных связей.

Можно задаться вопросом о социологической релевантности социометрических и сетевых аналитических методик. В конце концов, в процессе применения этой процедуры большинство связей очень быстро становятся косвенными связями — кто-то является другом друга, но при этом никогда не видел его и не разговаривал с ним. Эти косвенные связи практически не активизируются. Во многих случаях попытка превратить косвенные связи в непосредственные натолкнулась бы на неожиданную или даже отрицательную реакцию, так что вероятность успеха была бы достаточно неопределенной.

Этот контраргумент указывает на то, что как гипотеза «и так далее», так и «феномен малого мира» должны быть дополнены второй гипотезой, в которой на передний план выступают особые условия современного общества. Эту вторую гипотезу я называю «тезисом деконтекстуализации». В нем утверждается, что продление цепей «и так далее» возможно только через абстракции, презентующие возврат к интеракции, абстракции, которые освобождают интеракцию от диффузного переплетения с другими локальными, обращенными на себя релевантностями. Что в этом случае следует понимать под абстракцией? Это, прежде всего, функциональная спецификация, т.е. фоновый опыт нахождения в рамках определенной функциональной системы современного общества, который опускает многие другие релевантности, существующие локально здесь и сейчас, как нерелевантные. Сюда можно отнести также и обобщенные символы средств коммуникации* — деньги, истину, власть, — подкрепляющие фоновый опыт определенной функциональной системы благодаря присутствию их бинарно кодированной релевантности.

Этот список можно продолжить и многими другими феноменами. У Энтони Гидденса деконтекстуализация означает «распутывание» (disembedding) [16, р. 21–29] и приводимые им примеры — системы экспертов, доверие, профессии и символическое распознавание, причем здесь снова имеется в виду символически обобщенное средство коммуникации: деньги и аналогичные феномены. Все эти феномены суть явления символического обобщения, становящегося возможным при помощи функциональной спецификации.

Что может предложить нам теория сетей вместо тезиса деконтекстуализации? Мне кажется, что его место должно занимать само понятие сети. Очевидно, что сеть является понятием деконтекстуализации. Оно заменяет старые социологические понятия средней области действия, такие как понятие группы или общины. В понятии деконтекстуализации учитывается то обстоятельство, что релевантная и случайно повторяемая коммуникация больше не обуславливается пространственной близостью и интеракциональным соприсутствием. Это хорошо прослеживается в исследованиях Барри Уеллмана (Barry Wellmann) о формах общины в районе East York города Торонто [25]. Согласно наблюдениям

* Имеется в виду понятие Лумана «символически обобщенные средства коммуникации» (symbolisch generalisierte Kommunikationsmedien) (Прим. переводчиков).

Уеллмана, в этом районе отсутствуют все классические признаки городской общины: улицы пусты; никто не ходит к соседям, живущим на другой стороне улицы; общественные места и площади либо не существуют, либо заброшены. Но если наблюдать общину на основе сетевых связей, обнаруживаются функционирующие образцы симметричного и асимметричного обмена между представителями-членами сети, повторно вступающими в контакт друг с другом. Эти образцы функционируют, впрочем, по-разному, в зависимости от различных видов ресурсов. Подобные исследования подводят к вопросу о необходимости включения феномена сети в список структурных инноваций, определяющих профиль мирового общества. Понятие сети в этом случае будет не только указанием на универсальный метод и теорию внутри социологической дисциплины, но и на приоритетность новой формы структурообразования мирового общества. Она вытесняет такие старые формы структурообразования, как группа или община, и ее следовало бы определить через количественное ограничение их размера (возможно, 1000 участников) и неограниченность в пространстве.

Я не хотел бы сейчас вдаваться в детали функционирования второго механизма в возникновении мирового общества. Мне кажется, что уже стал очевидным тот факт, что мы приходим к совершенно другой картине мирового общества, если на передний план вместо глобальной диффузии институциональных образцов выдвигаются феномены глобального производства сетей. С одной стороны, производство сетей лимитируется унифицирующей структурой при помощи порядкообразующих абстракций функциональных систем. С другой стороны, в нарастающих от события к событию, от коммуникации к коммуникации, от связи к связи воздействиях могут быть учтены неожиданные изменения и прерывность, которые в отличие от первого механизма восстанавливают норму заново при помощи широкого круга успешных в диффузии моделей.

Существует третий механизм, который я считаю важным для возникновения системы мирового общества. Я называю его децентрализацией в *функциональных системах*. На передний план снова выходит первостепенное значение дифференциации функциональных систем и дополнительно утверждается процесс, который специфически разворачивается *внутри* функциональных систем. При этом опять задействуется классическая теоретическая конструкция социологии. В данном случае это «центр/периферия-различие» [26]. Это различие подразумевает в оснащении ресурсами между центром и периферией постоянную асимметрию, которая становится основой для образования социальной системы и определенной предпосылкой интеракции между центром и периферией. Уоллерстайн разработал свою теорию мировой системы на основе этого главного различия, которое он дополнил понятием семипериферии.

Поскольку Уоллерстайн всегда интересовался, прежде всего, реконструкцией мирового общества в исторической перспективе, предпочитаемое им различие «центр/периферия» кажется мне выбором, вполне соответствующим данному положению вещей. По моему мнению, различие «центр/периферия» является понятием глобализации досовременного мира. Оно применимо там, где глобальная интеракция все еще невозможна сама по себе и где в качестве предпосылки должны функционировать очень большие различия для того, чтобы по отдельности это привело все же к глобальной интеракции. В этих условиях необходимы значительные различия во власти, мудрости, религиозной

терпимости и экономических ресурсах, которые становятся структурной предпосылкой глобальной интеракции, происходящей сначала обособленно.

Выдвинутая здесь гипотеза утверждает, что различие «центр/периферия» и подразумеваемые им существенные различия в оснащении определенными ресурсами являются важным стартовым условием для системы мирового общества потому, что оно мотивирует невероятное: риск вовлечения в глобальную интеракцию и усилия по сокращению огромных расстояний.

Следуя логике данного аргумента, дальнейшая история мирового общества определяется эрозией центров, и эта эрозия происходит, прежде всего, в функциональных системах, которые создают первичную дифференциацию мирового общества. Но как это можно объяснить? Мой тезис состоит в том, что это объясняется взаимодействием третьего механизма с двумя первыми. Оба механизма — глобальной диффузии и глобального переплетения — оперируют латерально, т.е. действуют побочно. Даже если сначала в них имеются такие отличительные моменты — устоявшиеся имитационные модели или центральные позиции в сетях, — то эти центральные позиции размываются успешным процессом имитации или ростом сетей. Функционирование обоих механизмов, очевидно, подрывает центральные предпосылки, которые были стартовым условием появления мирового общества. И если процесс децентрализации в функциональных системах продвинулся хотя бы немного, предположения о гомогенности, которые оказываются прежде всего импликацией модели глобальной диффузии, снова становятся проблематичными. Вариация в децентрализованных функциональных системах может появиться отовсюду и не может контролироваться центром. Она может распространяться по сетям и нормализоваться при помощи глобальной имитации. Но ни при каких обстоятельствах это не ведет к гомогенности.

Перевод с немецкого И. Л. Осипова и В. В. Козловского

Литература

1. Firsching H. Ist der Begriff 'Gesellschaft' theoretisch haltbar? Zur Problematik des Gesellschaftsbegriffs // Soziale Systeme. Niklas Luhmanns «Die Gesellschaft der Gesellschaft». 1998. № 4.
2. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 1-2. Frankfurt/a. M.: Suhrkamp, 1997.
3. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge; Paris: Cambridge U.P., 1991.
4. The World System: 500 Years or 5000? / Ed. by A. G. Frank, B. K. Gills. London: Routledge, 1993.
5. China und die Fremden: 3000 Jahre Auseinandersetzung in Krieg und Frieden / Ed. by W. Bauer. München: Beck, 1980.
6. Hartog F. Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre. Paris: Gallimard, 1991.
7. Stichweh R. Konstruktivismus und die Theorie der Weltgesellschaft // Konstruktion, Interpretation, Kultur. Ein Paradigmenwechsel in den Sozialwissenschaften / Hrsg. A. Reckwitz, H. Sievert. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998 (i. E.).
8. Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974.
9. Stichweh R. Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen: Physik in Deutschland 1740–1890. Frankfurt/a. M.: Suhrkamp, 1984.

10. Stichweh R. Der frühmoderne Staat und die europäische Universität. Zur Interaktion von Politik und Erziehungssystem im Prozeß ihrer Ausdifferenzierung (16.-18. Jahrhundert). Frankfurt/a.M.: Suhrkamp, 1991.
11. Parsons T. Kinship and the Associational Aspect of Social Structure // Kinship and Culture / Ed. by F. L. K. Hsu. Chicago: Aldine, 1971.
12. Stichweh R. Globalisierung von Wirtschaft und Wissenschaft: Produktion und Transfer wissenschaftlichen Wissens in zwei Funktionssystemen der modernen Gesellschaft // Soziale Systeme. 1999. Bd. 5. H. 1.
13. Ghils P. International Civil Society: International Non-governmental Organizations in the International System // International Social Science Journal. 1992. Vol. 44.
14. Lübbe H. Netzverdichtung: Zur Philosophie industriegesellschaftlicher Entwicklungen // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1996. Bd. 50.
15. John R. R. American Historians and the Concept of the Communications Revolution // Information Acumen: The Understanding and Use of Knowledge in Modern Business / Ed. by L. Bud-Frierman. London; New York: Routledge, 1994.
16. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Cambridge U.P., 1990.
17. Social Structures: A Network Approach / Ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. Cambridge: Cambridge U.P., 1988.
18. Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99.
19. Strang D., Meyer J. W. Institutional Conditions for Diffusion // Theory and Society. 1993. Vol. 22.
20. The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by W. W. Powell, P. J. DiMaggio. Chicago: Chicago U. P., 1991.
21. Stichweh R. Zur Theorie der Weltgesellschaft // Soziale Systeme. 1995. № 1.
22. Stichweh R. Science in the System of World Society // Social Science Information. 1996. Vol. 35.
23. Inkeles A. The Emerging Social Structure of the World // World Politics. 1975. Vol. 27.
24. The Small World / Ed. by M. Kochen. Norwood N.J.: Ablex, 1989.
25. Wellman B., Carrington P. J., Hall A. Networks as personal communities // Social structures: A network approach / Ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. Cambridge: Cambridge U.P., 1988.
26. Shils E. Centre and Periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11 March 1961. London: Routledge & Kegan Paul, 1961.